

К. Н. Леонтьевъ. какъ религіозный мыслитель.

Къ уясненію вопроса объ отношеніи христіанства къ благоустроенію земной жизни.

ВВЕДЕНИЕ.

Религія есть связь человѣка съ Богомъ—реальнымъ оредоточіемъ абсолютныхъ цѣнностей.

Въ такомъ своемъ, хотя и общемъ, но безспорномъ значеніи религія есть прежде всего *жизнь* человѣка, а затѣмъ совокупность опредѣленныхъ, разумомъ осознанныхъ истинъ: если гдѣ, то здѣсь имѣетъ свое мѣсто извѣстный афоризмъ: „*primum vivere, deinde philosophare*“. Будучи по самой своей природѣ отраженіемъ Бога, человѣкъ инстинктивно стремится къ Нему, какъ цвѣтокъ стихійно повертываетъ свою головку къ солнцу, въ которомъ для него и свѣтъ, и жизнь. Одаренный разумомъ, самосознаніемъ отграниченный ото всего органическаго и животнаго міра, человѣкъ прежде всего *фактически* стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ своему Первообразу, а затѣмъ въ результатѣ методическаго размышленія надъ основными требованіями своей природы и фактами религіозной жизни построяетъ ту или другую *систему* религіозныхъ истинъ.

Въ данномъ нами общечеловѣческомъ опредѣленіи религіи заключены три основныхъ вопроса: Богъ, человѣкъ и взаимное отношеніе между ними. Въ жизненномъ разрѣшеніи и теоретическомъ формулированіи означенныхъ вопросовъ и состоитъ религія человѣка.

Правда о Богѣ, правда о человѣкѣ, правда объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ несетъ въ себѣ и проблему объ отношеніи религіи къ земной жизни человѣка. Неразрывная часть земного мірового бытія—человѣкъ не можетъ относиться къ Богу внѣ своей природной неотъемлемой формы. Вопросъ другой, считать ли земную жизнь зломъ, отъ котораго необходимо возможно скорѣе освободиться, какъ отъ оковъ духа, или добромъ, которое налагаетъ на человѣка извѣстныя *положительныя* обязанности, но религіозной жизни нельзя представить безъ этой проблемы, быть можетъ, самой существенной. Исторія всѣхъ религій служитъ фактическимъ подтвержденіемъ тому.

Сказанное нами о религіи естественной въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ религіи положительной—сверхъестественной.

Христіанская религія есть союзъ Бога и человѣка, реально осуществленный въ Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа и тѣмъ самымъ установленный для всѣхъ людей въ качествѣ главнѣйшей и необходимой задачи жизни.

Основоположность Іисуса Христа для нашей вѣры заключается прежде всего и болѣе всего въ томъ, что Онъ въ Своей земной жизни самымъ подлиннымъ образомъ осуществилъ общерелигіозный идеаль богopodobія, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, если онъ не хочетъ безъ слѣда раствориться въ низшемъ тварномъ бытіи. Богочеловѣческая Личность Христа въ цѣлности ея обнаруженій въ теченіе земной жизни—вотъ Спаситель и Учитель міра! Безконечно превосходя Своихъ предшественниковъ-пророковъ именно этою стороною, а не только или даже не столько Своими словами, Христосъ Одинъ только могъ къ Себѣ лично обращать взоры Своихъ „друзей“. „Я есмь путь и истина и жизнь“ (Іоан. XIV, 6), „Я свѣтъ міру, Я дверь овцамъ“ (Іоан. X, 7), говоритъ Онъ намъ. „Сіяніе Славы Отчей и Образъ Божества Его“ (Евр. 1, 3), Христосъ въ Своемъ Лицѣ

принесъ на землю истину о Богѣ въ существенно новой степени. До Христа Богъ вѣдомъ былъ человѣку со стороны Своихъ безграничныхъ свойствъ, и, какъ таковой, былъ далекъ и чуждъ ему. Идеи Бога въ Его, выражаясь принятой философской терминологіей, онтологическихъ свойствахъ, во Христѣ получаетъ свою плоть и кровь, дѣлается близкой и понятной по своимъ идеальнымъ опредѣленіямъ: „Я открылъ имя Твое человѣкамъ“, говоритъ Спаситель предъ Своею смертію (Іоан. XVII, 4, 6).

Будучи человѣкомъ во всемъ подобнымъ намъ, кромѣ грѣха, Иисусъ Христосъ Своимъ Лицомъ принесъ на землю истину о человѣкѣ. Боровшійся со зломъ въ единствѣ Своего божественнаго и человѣческаго естества и въ этой борьбѣ неизмѣнно подтипавшійся голосу Отца (Мѣ. XXVI, 39; Марк. XIV, 36; Лук. XXII, 42), Иисусъ Христосъ въ Своемъ Лицѣ явилъ намъ образъ взаимнаго отношенія Бога и человѣка.

При толкованіи христіанства—особенно когда подходятъ къ нему съ предвзятымъ намѣреніемъ увидать въ немъ „естественную“ религію—къ сожалѣнію, не обращаютъ должнаго вниманія на Самый Образъ Христа, чуть не исключительно останавливаясь на Его словахъ, по самому своему существу всегда опредѣляющихъ истину съ одной лишь стороны и потому не покрывающихъ ее: „тамъ, гдѣ истинно вѣрующій видитъ стройный высоко-художественный храмъ, предвзятая критика смотритъ лишь на отдѣльныя части его“ (Вл. Соловьевъ). А сколько бы отпало ненужныхъ споровъ о взаимномъ противорѣчій тѣхъ, или иныхъ словъ Спасителя, мелочныхъ придирокъ къ нимъ, если бы христіанство судили прежде всего и болѣе всего Цѣльною Личностью его Основателя!..

Жизнь Христа по общему закону человѣческой природы наша и свое внѣшнее словесное выраженіе, свою теоретическую формулу—источникъ христіанской догматики. Издѣсь

мы видимъ недоступную для простаго человѣческаго ума въ отношеніи творчества цѣльную систему религіознаго вѣдѣнія о Богѣ, человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи.

Принесенная на землю Христомъ религіозная правда о Богѣ и человѣкѣ конкретно является истиной объ отношеніи христіанина къ земной жизни и ея благоустроенію.

Вотъ уже скоро два тысячелѣтія существуетъ Христова вѣра, а споры о существѣ ея не только не утихаютъ, но, кажется, еще болѣе усиливаются. И это не только,—болѣе того: не столько въ средѣ его враговъ, сколько среди его послѣдователей... И если бы хотѣли указать самый жгучій вопросъ, который раздѣлялъ послѣдователей Христа на два враждебныхъ лагеря—порой до зловѣщаго пламени инквизиціонныхъ костровъ, то этимъ раздѣляющимъ пунктомъ было различное отношеніе къ землѣ и ея благамъ. Небо и земля—вотъ основная антиномія христіанства, преломляемая въ волѣ и сознаніи человѣка въ антиномію духа и плоти!

Есть ли мѣсто въ настоящій моментъ новымъ научнымъ работамъ въ сферѣ проблемы—христіанство и міръ?

Думаемъ, есть и всегда будетъ.

Человѣческій духъ безграниченъ въ своемъ развитіи. Каждый даже небольшой періодъ времени открываетъ въ немъ новые запросы, новыя чаянія... И въ каждую отдѣльную эпоху люди *по своему* подходятъ и къ ученію Христа...

Съ другой стороны, нѣтъ ни одного вопроса въ современномъ утонченномъ и изощренномъ человѣческомъ умѣ, который былъ бы неизвѣстенъ христіанству, и на который оно не давало бы своего отвѣта: возможностью быть одновременно „ручьемъ, въ которомъ свободно купается слонъ, и который также легко проходитъ младенецъ“, больше всего свидѣлствуется Его божественное происхожденіе...

Проблема „христіанство и міръ“ въ переживаемое время ставится иначе, чѣмъ, скажемъ, двадцать или даже десять лѣтъ раньше.—сегодня иначе, чѣмъ вчера. Это первое.

Русская богословская наука послѣдняго времени дала не мало трудовъ, замѣчательныхъ по широтѣ захвата, глубокимъ по проникновенію въ суть дѣла. Но и здѣсь въ извѣстной мѣрѣ примѣнимы слова одного изъ новѣйшихъ философовъ: „У каждой души есть свой міръ; для каждой души другая душа—міръ по ту сторону“... И глубокое чувство уваженія, съ которымъ относится авторъ этихъ строкъ къ работамъ людей подлинной науки, не освобождаетъ его отъ неотложной обязанности и съ своей стороны если не рѣшить, то поставить по своему нѣсколько вопросовъ, связанныхъ съ поставленной проблемой, и тѣмъ самымъ внести и свою скромную долю въ общій трудъ на нивѣ уясненія Христова ученія...

Двумя путями можно идти въ рѣшеніи данной проблемы. Первый—путь большихъ талантовъ и огромныхъ, увы! не всякому доступныхъ знаній,—путь систематическаго уясненія и раскрытія всѣхъ главныхъ и частныхъ вопросовъ, входящихъ въ проблему „христіанство и міръ“. Таковы системы Вл. С. Соловьева, профессоровъ Тартѣва, Несмѣлова, о. Свѣтлова. Второй болѣе скромный путь—уясненіе означенныхъ вопросовъ богословскою проверкою выдающихся гениевъ религіи и мысли. Послѣдній путь избранъ нами. И тѣмъ лицомъ, черезъ мысли котораго хотимъ мы подойти къ уясненію христіанскаго ученія о цѣнности земной жизни, служить забытый, но не менѣе оттого великій, религіозный мыслитель Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ.

Кому и что говорить имя Константина Леонтьева?

„Бываютъ писатели съ невыразимо печальной судьбой, неузнанные, непонятые, никому не пригодившиеся, умирающіе въ духовномъ одиночествѣ, хотя по дарованіямъ, по уму, по оригинальности они стоятъ многими головами выше признанныхъ величинъ. Таковъ былъ Константинъ Леонтьевъ, самый крупный, единственный крупный мыслитель изъ консервативнаго лагеря, да и вообще одинъ изъ самыхъ блестящихъ и своеобразныхъ умовъ въ русской литературѣ...

Бѣдный Константинъ Леонтьевъ: его хуже, чѣмъ не знаютъ, самые образованные люди смѣшиваютъ его съ скучнымъ классикомъ Леонтьевымъ, соредакторомъ Каткова по «Русскому Вѣстнику»... К. Леонтьевъ — страшный писатель, страшный для всего историческаго христіанства, страшный и соблазнительный для многихъ романтиковъ и мистиковъ. Этотъ одинокій, почти никому неизвѣстный русскій чело вѣкъ во многомъ предвосхитилъ Ницше“, такими словами начинается свою статью о Леонтьевѣ Н. А. Бердяевъ... „Человѣческое достоинство мы должны оцѣнивать не по судьбѣ, а по залогамъ души. И по такой оцѣнкѣ достоинство Леонтьева —чрезмѣрно, удивительно. Прошелъ великій мужъ по Руси—и легъ въ могилу. Ня звука при немъ о немъ; карканьемъ воронъ онъ встрѣченъ и провоженъ. И легъ и умеръ въ отчаяніи, съ талантами необыкновенными“, такими словами заканчиваетъ другой писатель (В. В. Розановъ) свое предисловіе къ изданнымъ имъ письмамъ Леонтьева... Вл. С. Соловьевъ ставилъ Леонтьева „много выше Каткова, И. С. Аксакова“. Н. Н. Страховъ, С. А. Рачинскій, такъ легко нашедшіе свою дорогу въ жизни, преклонялись предъ необыкновенными талантами Леонтьева и, ненавидя его, боялись... Такъ говоритъ В. В. Розановъ. Однако онъ не совсемъ точенъ. О Леонтьевѣ намъ извѣстно до 80-ти болѣе или менѣе обстоятельныхъ статей, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. И ни одинъ отзывъ, включая сюда поверхностныя статьи нѣкоторыхъ газетъ, ни одинъ, говорю, отзывъ не могъ отрицать удивительной умственной и художественной силы Леонтьева: такъ ярко и для плохо зрячихъ блестятъ этотъ русскій самородокъ!..

И при всемъ томъ неузнанный, непонятый, въ духовномъ одиночествѣ сошелъ онъ въ могилу.

Перечитывая удивительныя письма Леонтьева, его предсмертныя „замѣтки“ на двухъ объемистыхъ тетрадяхъ по поводу различныхъ статей, какъ-то невольно прони-

каешься его мыслью и глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что надъ нимъ тяготѣлъ особый рокъ, „fatum“, какъ онъ любилъ выражаться, „Десница“, „Провидѣніе“.

Первоклассный мастеръ въ области литературы, художественный талантъ котораго такъ высоко ставилъ И. С. Тургеневъ, не говоря о другихъ, — философъ, социологъ, эстетикъ, до поразительности напоминающій собою Ницше не только по мыслямъ, но даже и по отдѣльнымъ афоризмамъ, по справедливому слову В. В. Розанова *plus Nietzsche, que Nietzsche même*, — на почвѣ своей историко-соціальной теоріи едва-ли не самый сильный и опасный критикъ славянофильства золотой его поры, что впрочемъ не мѣшало его самого отводить за одну скобку съ Кирѣевскимъ и Аксаковымъ, — религіозный мыслитель, какъ никто изъ свѣтскихъ людей вникавшій въ сущность православія съ его жизненнымъ выраженіемъ — монашествомъ (Леонтьевъ во вторую половину своей жизни самъ былъ тайнымъ монахомъ), — наконецъ, церковный публицистъ, за много лѣтъ, вопреки общему мнѣнію, включая сюда Каткова, предусматривавшій въ точности исходъ современныхъ ему балканскихъ событій (особенно въ отношеніи греко-болгарской церковной распри), — Константинъ Леонтьевъ систематически замалчивался всеми — и врагами, и друзьями. Его идеи, высказанныя другими, высказанныя хуже и безталантиѣ, открывали дорогу авторамъ ихъ къ сердцамъ людей. А Леонтьевъ какимъ-то рокомъ отброшенъ въ семью писателей для полокъ библиотекъ съ ихъ скучнымъ, тусклымъ, печальнымъ бытіемъ!

Остановимся на нѣсколько минутъ здѣсь, раньше полной біографіи Леонтьева, на одномъ весьма важномъ для оцѣнки этой личности душевномъ тяжеломъ переживаніи его. „При моей встрѣчѣ въ мистическія начала, писалъ Леонтьевъ В. В. Розанову, вамъ, конечно, не покажется страннымъ, что я придаю *большое* значеніе моему заочному знакомству съ вами *именно тогда*, когда во мнѣ случился

особаго рода внутренній переломъ¹⁾: до прошлаго года я считалъ тотъ *день потеряннымъ*, въ который я не писалъ. Несмотря на то своего «вліянія», при всемъ желаніи утѣшить себя иллюзіей, я нигдѣ открыть не могу. Конечно, я говорю о вліяніи *серьезномъ*, вродѣ вліянія Каткова, Л. Толстого, Достоевскаго, Добролюбова и Писарева въ свое время, а не о какомъ-нибудь *succes d'estime*, вродѣ Страхова и т. п. Такимъ-то и я давно пользуюсь. Но вѣдь это для усталыхъ чувствъ и угасающихъ мыслей—возбужденіе слабое!“

„Какая урожденная потребность писать п почти полувѣковое абсолютное невниманіе общества къ писателю, почти полная его нечитаемость!“—дѣлаетъ къ этому мѣсту примѣчаніе В. В. Розановъ,—„мнѣ о мукахъ Тантала, я думаю, никогда еще не имѣлъ для себя такой иллюстраціи, какъ въ этомъ своеобразномъ писателѣ съ своеобразной, *поразительной* судьбою“.

Помянутыя нами выше, къ сожалѣнію, пока еще не опубликованныя въ печати тетради пестрятъ замѣчаніями Леонтьева о *фатальномъ* стеченіи крупныхъ и мелкихъ обстоятельствъ, мѣшавшихъ ему дойти до сердца того народа, которому онъ такъ жаждалъ отдать свою душу со всѣми чаяніями и со всѣми страхами.

Извѣстный писатель Вс. Крестовскій дѣлаетъ восторженный отзывъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ о восточныхъ повѣстяхъ Леонтьева, называя ихъ „прекраснѣйшей эпопеей изъ эллиническаго быта“. Въ отдѣльномъ изданіи Крестовскаго этого эпизода не оказалось. „Почему, спрашиваетъ Леонтьевъ въ своемъ НВ., онъ это выбросилъ? По какому второстепенному соображенію—я никогда не хотѣлъ у него спросить. Все я думаю тоже—

¹⁾ Разумѣется окончательный переломъ въ сторону религіознаго аскетизма.

мой *fatum* въ литературѣ. Чтобы нѣсколькими человѣками знающими меня *было меньше*". Къ отзыву О. А. Новиковой— въ высшей степени хвалебному—о сочиненіяхъ Леонтьева въ одной французской статьѣ, печатавшейся въ „Nouvelle Revue“ 1882, 15, Леонтьевъ дѣлаетъ такую приписку: „И. С. Аксаковъ и не разъ и мнѣ самому восторженно отзывался о моихъ сочиненіяхъ... И. С. Аксаковъ былъ такъ нерасположенъ ко мнѣ (вѣроятно, за неожиданные для него рѣзкіе выводы изъ стараго славянофильства), что, по увѣренію О. А. Новиковой, она должна была *потребовать* отъ него, чтобы онъ не вычеркивалъ изъ ея статьи объ Эмерсонѣ ¹⁾ *его же собственного мнѣнія*, которое онъ на словахъ обнаруживалъ, а въ печати утаивалъ. Она сдѣлала ему уступку все-таки хоть тѣмъ, что не назвала его! Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ нашихъ дѣятелей! Твердый, смѣлый, независимый. Какъ же это объяснить? Тѣмъ болѣе это странно, что въ повѣстяхъ-то *ничего нѣтъ противъ юго-славянъ*".

Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (1882, 26) напечатанъ очень хорошій отзывъ о брошюрѣ Леонтьева „Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ“. Леонтьевъ пишетъ свое НВ.: „Брошюра эта была создана мною въ 1881 году. Никто не обратилъ на нее вниманія, кромѣ Петра Евгеньевича Астафова, который, встрѣтивши меня у двоюродного брата въ его Боборыкинѣ, воскликнулъ: «Рѣшаюсь Вамъ сказать, что это почти гениальная вещь». *Черезъ годъ* или даже два (1883) О. А. Новикова, пріѣхавши изъ-за границы, познакомилась съ нѣкоторыми изъ моихъ сочиненій, изумилась, почему ихъ замалчиваютъ, и обратилась съ настояніями напечатать хотя бы и очень поздній отзывъ къ Федору Александровичу Гилярову (племяннику редактора «Соврем. Извѣстій» Никиты Петровича Гилярова-Платонова и сотруд-

¹⁾ Печат. въ „Руси“ Аксакова.

нику его). Этотъ весьма умный, тонкій и *весьма* образованный человекъ и консерваторъ нѣсколько даже національнаго оттенка долго отнѣкивался и, отдавая (по словамъ Новиковой) мнѣ справедливость, прибавлялъ: «да ужъ онъ слишкомъ православенъ». (Тоже самое «Вы слишкомъ православы» сказалъ мнѣ въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ въ 1887 году въ Петербургѣ и *Стриховъ*). Наконецъ, уступилъ женской энергіи и написалъ эту ужъ конечно весьма лестную замѣтку... Итакъ, что-нибудь одно: или онъ писалъ тутъ то, что думалъ, и тогда зачѣмъ было ждать дамскаго заступничества; или онъ въ угоду О. Ал. Новиковой *напечаталъ похвалы, внутренно порицая*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ—гдѣ же и литературная и гражданская совѣсть? А человекъ *съ душой!* Опять *fatum!* Катковъ дипломатично отклоняетъ хвалебную статью о Леонтьевѣ, *самъ высоко ставя его...* „Да что же вся эта совокупность предательства значить? И опять скажешь себѣ: есть во всемъ этомъ какая-то по крайней мѣрѣ *до меня лично* касающаяся высшая телеологія! Десница! Это утѣшаетъ и примиряетъ“.

Еще одна выдержка.

Въ 1887 году въ комитетѣ министровъ прошло дѣло о назначеніи пенсіи „поэту-художнику и мыслителю Леонтьеву К. Н. и прошло согласно съ желаніемъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ“. Т. И. Филипповъ безъ своей подписи пишетъ хвалебный отзывъ въ „Гражданинѣ“ о трудахъ Леонтьева. Въ 1891 г. Леонтьева: „Этотъ *внѣшній* толчокъ заставилъ Филиппова высказать *наконецъ* (хотя бы и безъ подписи) печатно тѣ мнѣнія обо мнѣ, которыя онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ высказывалъ и въ письмахъ ко мнѣ, и извустно, и столькимъ другимъ. *Опять* тотъ же и все тотъ же вопросъ. Почему нуженъ былъ даже и ему этотъ внѣшній толчокъ. Онъ человекъ очень смѣлый, независимый, очень умный и ученый. Познакомился со мной въ 1877 году—лично, но знакомый съ

сочиненіями моими еще гораздо прежде, онъ былъ съ тѣхъ поръ истиннымъ мнѣ другомъ... И въ то время, не будучи на министерской должности, былъ гораздо свободнѣе... *Почему же онъ давно не напечаталъ того же* гораздо пооробѣе и доказательнѣе? Онъ, который такъ искренно желалъ мнѣ добра? И всячески дѣлалъ его. Если служба требовала этого, онъ точно также могъ это публиковать безъ подписи имени.. Почему? Одинъ отвѣтъ: *непостижимо, необъяснимо*. Одно рѣшеніе: fatum! *Мистика!* Десница!“ и т. д. и т. д., — десятки NB NB того же рода по поводу Страхова, частью Вл. Соловьева, Ю. Говорухи-Отрока (преданнаго ученика Леонтьева) и др. ...

Если принять во вниманіе, что *все* лица, на молчаніе которыхъ идейно печалуется Леонтьевъ, дѣйствительно были очень высокаго мнѣнія о его трудахъ: въ тетрадяхъ Леонтьева находится подлинное огромной важности письмо И. С. Аксакова объ очеркѣ „Пасха на Леонѣ“ съ общей чрезвычайно высокой оцѣнкой автора, адресованное къ другому лицу, Вл. Соловьеву принадлежит обширная статья въ словарѣ Брокгауза-Эфрона, служащая прекраснымъ введеніемъ къ изученію Леонтьева, и т. д.,—то „fatum“ нашего писателя, увы! продолжающійся до сего дня, требуетъ своего объясненія. „Точно надъ нимъ стоитъ ангелъ смерти и мѣшаетъ ему ожить“ (Розановъ).

Но прежде: что такъ страстно влекло Леонтьева къ большой извѣстности? Мучительный червь литературнаго тщеславія?

Предсмертные дни Леонтьева помогутъ намъ отвѣтить опредѣленно, а не только гадательно, на этотъ вопросъ.

Въ послѣдній годъ заочно познакомился съ нимъ В. В. Розановъ. Прочитавъ два тома его „Востокъ, Россія и Славянство“, онъ пораженъ былъ глубиною мысли ихъ наряду съ обширностью самыхъ жизненныхъ темъ. Завязалась переписка, которая показала Леонтьеву, что онъ едва ли не впервые „понять именно такъ, какъ хотѣлъ бы быть поня-

тымъ“. В. В. Розановъ рѣшилъ писать о Леонтьевѣ большую статью. Первая часть статьи была готова при жизни Леонтьева, но по семейнымъ обстоятельствамъ, а частью за недосугомъ времени, не могла еще быть напечатана.. Леонтьевъ зналъ точно, что онъ не долгій жилецъ на этомъ свѣтѣ. Почти умирающій переселяется онъ изъ Оптиной Пустыни въ Сергіевъ Посадъ. И посмотрите: его больше всего заботитъ, какъ бы не отложили навсегда своей статьи В. В. Розановъ, такъ хорошо и точно излагавшей основные взгляды его. „По *существу* я не только не могу почти ничего на вашу статью“ (первая часть, по настоятельному желанію Леонтьева, была переслана ему въ рукописи), „возразить, но не умѣю и даже... какъ-то... *боюсь* вамъ выразить... до чего я изумленъ и обрадованъ вашими обо мнѣ сужденіями!.. Съ самаго 1873 года, когда я въ первый разъ напечаталъ у Каткова политическую статью («Панславизмъ и греки»), и до *этой* весны 1891 года я ничего подобнаго не испытывалъ! Нѣчто успокоительное и грустное въ то же время! Если бы статья ваша была окончена и напечатана, то я могъ бы сказать: Нынѣ опущаеши раба Твоего, Владыко!. Теперь еще, пока статья ваша не окончена и не напечатана, я, конечно, не могу этого воскликнуть; но я всетаки могу сказать: **Наконецъ-то** послѣ 20-лѣтняго почти ожиданія я нашелъ человѣка, который понимаетъ мои сочиненія *именно такъ, какъ я хотѣлъ, чтобы ихъ понимали*“.. И какой испугъ испыталъ бѣдный Леонтьевъ, когда В. В. Розановъ написалъ ему въ одномъ письмѣ, что „печатаніе оскверняетъ чистоту нашего внутренняго міра!“ „Вотъ тебѣ разъ! подумалъ я—пишетъ Леонтьевъ— а ну, какъ онъ и статью обо мнѣ тоже сочтетъ оскверненіемъ! Вотъ утѣшить-то!.. Избави меня, Боже, отъ вашего литературнаго «цѣломудрія». Это тоже *fatum* будетъ повкій!“

Увы! статья В. В. Розанова „Эстетическое пониманіе исторіи“, представляющая собою, дѣйствительно, и по сравненію

съ другими статьями, и безотносительно рѣдко глубокой анализъ взглядовъ Леонтьева на историческій процессъ (религій Леонтьева и въ то время В. В. какъ-то чуждался, а позже болѣе) появилась *послѣ смерти* его... Опять *fatum!*

Понятно литературное тщеславіе, которымъ такъ бо-лѣютъ и великіе таланты, и посредственности... Но какое же тщеславіе у человѣка, завѣдомо умирающаго, больного 60-ти лѣтняго старика, которому—медицинское образованіе слишкомъ ясно говорило объ этомъ—осталось жить годъ, много два?! какое тщеславіе у человѣка, порвавшего всѣ связи съ міромъ и укрывшагося отъ него въ одиночную келію монаха Оптиной пустыни?!

Нѣтъ, дѣло здѣсь и глубже, и неизмѣримо святѣе.

Леонтьевъ былъ—употреблю истасканное выраженіе—цѣльной личностью. Литература была для него служеніемъ, подвигомъ. И отъ каждаго своего написаннаго слова онъ ждалъ *блага*... У самого у него въ жизни каждая мысль переходила въ дѣло. Убѣждается онъ въ исключительной истинѣ аскетическаго православія, православія аѳонскаго,—и бросаетъ дипломатическую карьеру, и идетъ въ монахи. Леонтьеву непонятно раздѣленіе теоріи и жизни. И. С. Аксаковъ въ письмѣ, напр., отлаетъ должное идеѣ монашества, но самъ... остается русскимъ баринкомъ въ міру. Леонтьевъ не таковъ. Прямолинейный до послѣдней степени, въ отношеніи къ себѣ до фанатизма („люблю фанатиковъ“ есть у него одно *NB*), онъ горѣлъ желаніемъ реальныхъ плодовъ отъ своихъ словъ если не въ міровой исторіи, то у себя на родинѣ, горѣлъ и вѣрилъ въ нихъ.

„Когда человѣкъ оказываетъ сопротивленіе всему своему времени, прогараждаетъ ему путь и требуетъ у него отчета, это должно оказать вліяніе. Безразлично, хочетъ или не хочетъ онъ этого, важно то, что онъ это можетъ“, говоритъ Ницше,—и эта вѣра была у Леонтьева.. Удивителенъ духъ прозелитизма въ Леонтьевѣ! „Повѣрьте: только одни мона-

стыри и хороши!“ временно и безвременно, кстати и не кстати твердить онъ въ письмахъ къ нынѣ здравствующему своему другу К. А. Губастову, тогда уже стоявшему на пути къ министерскому посту. „Бросьте вы все и идите въ монастырь!“ такъ и слышится призывъ въ его восхваленіяхъ монастыря. И этотъ прозелитизмъ—требованіе его необыкновенно цѣльной натуры. Убѣжденный до ослѣпляющей очевидности въ гибельности европейскаго прогресса для Россіи, онъ хотѣлъ бы всѣми мѣрами остановить его, хотя бы для этого нужно было употребить самыя радикальныя мѣры. Намъ часто претитъ отъ ужасающаго цинизма этого оптинскаго Торквемады, но нужно понять источникъ этой послѣдовательности... Въ этомъ общемъ духовномъ складѣ Леонтьева коренится и жажда извѣстности, пожиравшая его и на смертномъ одрѣ... А въ характерѣ тѣхъ взглядовъ, которые провозглашалъ Леонтьевъ съ такою прямолинейностью, находить свое объясненіе тотъ рокъ неизвѣстности, который тиготѣлъ надъ нимъ.

Какъ бы ни относиться къ тѣмъ идеямъ, которыя вошли въ общее понятіе либерализма, но нельзя не согласиться въ извѣстной степени съ тою характеристикой общаго типа проповѣдниковъ его у насъ, какую дѣлаетъ тотъ же В. В. Розановъ, нывѣ, думаю, значительно бы смягчившій ее.

И не употребляю его термина „тупоголовый“ въ примѣненіи къ ходячему русскому либералу, но, дѣйствительно, поразительна эта черта узости при видимой свободѣ, неумѣнья смотрѣть „далѣе своей колокольни“ при показной широтѣ, странной нетерпимости при горячихъ нападкахъ на нее. Леонтьевъ—писатель хотя и съ большимъ талантомъ, но онъ идетъ противъ прогресса, стоитъ за монашеское православіе, за самое строгое самодержавіе, не позволяя даже надъ городovýmъ смѣяться. Леонтьевъ выступаетъ защитникомъ такихъ личностей, какъ Митрофанія, которая „всетаки была монахиня, а не либералка“,—противникомъ освобожденія Болгаріи отъ турецкихъ звѣрствъ.

„Либераламъ докладчикамъ и въ голову не приходило, что публицистъ въ куколтѣ есть самъ е свободомыслящее явленіе, можетъ быть, за все существованіе русской литературы; что безбрежность его скептицизма и сердечной и идейной свободы оставляетъ позади себя свободу Вл. Соловьева, Герцена, Радищева, Новикова“ (Розановъ). Либералы не могли понять, что ужасный консерватизмъ Леонтьева, прикрѣпленный имъ къ религіи, является „уздой могучаго господина, которую возлюбитъ могучій конь“...

И на Леонтьева „сильными въ русскомъ мірѣ“ наложенъ запретъ. Больно читать, напр., статьи „Вѣстника Европы“—солиднаго журнала о „мракобѣсцѣ“ Леонтьевѣ (разумѣю, нужно оговориться, не статью кн. С. Н. Трубецкого): такъ онѣ легки. А что сказать о подголоскахъ его?¹⁾

Отношеніе къ Леонтьеву идейно враждебныхъ ему либераловъ еще можно такъ или иначе понять. Но замечиваніе его людьми консервативнаго лагеря?

„На запяткахъ за тощою долго не проѣдешь со славою; надо скорѣе стать самому возницей по духу“—этотъ

¹⁾ Не могу здѣсь не упомянуть про одинъ весьма характерный и не менѣе печальный аналогичный фактъ. Нынѣ въ прогрессивныхъ широкихъ кругахъ имя В. В. Розанова что называется шумитъ, хотя его и мало понимаютъ. Розановъ сдѣлался „извѣстнымъ писателемъ“ съ той поры, когда сталъ въ открыто враждебныя отношенія къ Церкви и самому христіанству, т. е. въ самые послѣдніе годы. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ Розановъ для нашей публики либеральныхъ органовъ былъ тѣмъ же Леонтьевымъ. Между тѣмъ теперешній воззрѣніи Розанова не только въ основной мысли, но и въ частностяхъ были высказаны имъ—въ 91 году! Правда, высказаны они по какой то недоглядкѣ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ и мелкимъ шрифтомъ въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Леонтьева, но уже тамъ находимъ мы все,—иногда даже вплоть до остроумныхъ образовъ... *Итакъ:* чтобы сдѣлаться читаемымъ, нужно было В—ию В—чу вывѣсить флагъ... вражды къ религіи. Больно, но это такъ!.. Не о Розановѣ послѣднія слова, а о настроеніи общества нашего...

совѣтъ, даваемый Леонтьевымъ всѣмъ писателямъ, самъ онъ выполнять въ полной мѣрѣ: онъ никогда не ѣхалъ на запяткахъ за толпой—положеніе всегда и неизмѣнно неблагодарное. Консерватизмъ эмпирическій въ интересахъ своего вліянія непремѣнно долженъ быть въ той или иной степени демагогичнымъ, то есть заключать въ себѣ большую долю приспособляемости и компромиссовъ. Леонтьевъ по само своей натурѣ быть такимъ консерваторомъ не могъ. „Дорогое кружево прекрасная вещь, но нельзя подавать людямъ это кружево, когда имъ нуженъ простой тулупъ, чтобы не замерзнуть“,— слова Леонтьева. И когда Катковы, политики текущаго момента, кролики, какъ имъ казалось, единственно нужные современному имъ обществу тулупы, съ большою досадою гнали они отъ себя Леонтьева, мѣшавшаго имъ съ своими кружевами.

Леонтьевъ не только мѣшалъ консерваторамъ эмпирикамъ. Онъ для нихъ опасенъ.

„У нѣкоторыхъ птицъ, по словамъ зоологовъ,—говорилъ Леонтьевъ,—глаза такъ устроены, что онѣ по волѣ могутъ становиться и близорукими, когда имъ нужно разсматривать что-нибудь подробно на землѣ, и дальнозоркими, когда онѣ поднимаются очень высоко“. Птицамъ дальнозоркость не вредить... Но когда Леонтьевъ при своей необыкновенной послѣдовательности доводилъ до законныхъ выводовъ политику консерваторовъ,—они сами „отскакивали“ отъ него въ ужасѣ, а иногда и негодованіи. „Леонтьевъ слишкомъ православенъ“ эту невольную фразу Гиларова-Платонова и Страхова можно повторить и въ отношеніи другихъ сторонъ въ міросозерцаніи Леонтьева...

Та же цѣльность натуры оттолкнула отъ Леонтьева и консервативные круги.

Леонтьевъ, какъ религіозный типъ, точнѣе какъ выразитель опредѣленнаго пониманія христіанства—такова тема

предлагаемой работы. Что же въ его духовномъ обликѣ дать право останавливаться на немъ?

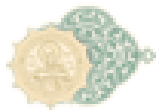
„Мы, люди нашего склада должны задуматься надъ Леонтьевымъ, надъ печальной судьбой его“, пишетъ Н. А. Бердяевъ... И не только люди такого апокалиптического склада, какъ этотъ одинъ изъ наиболѣе глубокихъ представителей т. н. „новаго религіознаго сознанія“, должны задуматься надъ Леонтьевымъ. Леонтьевъ огромный и тяжелый вопросъ для всякаго христіанина и особенно для сына Православной Церкви.

Трудно оправдать эти слова до изложенія міровоззрѣнія Леонтьева. Но вотъ нѣсколько шриховъ изъ него: надѣмся, они съ убѣдительностью покажутъ, чѣмъ важень и чѣмъ страшень и соблазнителень этотъ религіозный мыслитель

„Идея всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы—самая холодная, прозаическая и въдобавокъ самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій“. „Прогрессивныя идеи грубы, просты и всякому доступны. Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ. Люди высокаго ума облагораживали ихъ своими блестящими дарованіями; сами же идеи по сущности своей не только ошибочны, онѣ, говорю я, грубы и противны. Благоденствіе земное вздоръ и невозможность; царство равномѣрной и всеобщей челоуѣческой правды на землѣ—вздоръ и даже обидная неправда, обидя лучшимъ“... „Стыдно было бы за челоуѣчество, если бы этотъ подлый идеаль всеобщей пользы, мелочнаго труда и позорной прозы восторжествовалъ бы навѣки“... Какъ видять читатель—мы уже въ сферѣ идей Ницше съ его „паэосомъ разстоянія“... „Для того, кто не считаетъ блаженство и абсолютную правду назначеніемъ челоуѣчества на землѣ, нѣтъ ничего ужаснаго въ мысли, что миллионъ русскихъ людей должны были прожить цѣлые вѣка подъ давленіемъ трехъ

атмосферѣ—чиновничьей, помѣщичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкинѣ могъ написать Онѣгина и Годунова, чтобы построили Кремль и его соборы, чтобы Суворовъ и Кутузовъ могли одержать свои національныя побѣды. Ибо слава... пбо военная слава... да, военная слава царства и народа, его искусство и поэзія—факты... Это реальныя явленія дѣйствительной природы; это цѣли достижимыя и вмѣстѣ высокія. А то безбожно-праведное и плоско-блаженное человѣчество, къ которому вы исподоволь и съ разными современными ужимками хотите стремиться, такое человѣчество было-бы гадко, если бы оно было возможно“. Ницше неминуемо долженъ былъ быть аморалистомъ. Уничтожаетъ мораль и Леонтьевъ, стоявшій на общей съ Ницше почвѣ. „Европейская мысль поклоняется человѣку потому только, что онъ человѣкъ. Поклоняться она хочет не за то, что онъ герой или пророкъ, царь или гений. Нѣтъ, она поклоняется не такому особому и высокому развитію личности, а просто индивидуальности всякаго человѣка и всякую личность желаетъ сдѣлать счастливой, равноправной, покойной, надменно честной и свободной въ предѣлахъ извѣстной морали. Это-то исполненіе всечеловѣческой равноправности и всечеловѣческой правды, исходящей не отъ положительнаго вѣроисповѣданія, а отъ того, что философы зовутъ личной автономной нравственностью, это-то и есть ядъ, самый тонкій и самый могучій изъ всѣхъ столь разнородныхъ заразъ, разлагающій постепеннымъ дѣйствіемъ своимъ всѣ европейскія общества“... „Не долженъ зоологъ увѣрять, что нѣтъ уже на свѣтѣ ни золотыхъ фазановъ, ни орловъ, ни пантеръ и красивыхъ полосатыхъ зебръ, оттого, что онъ срисовать ихъ не умѣетъ, или считать ихъ ненужными и въ самомъ дѣлѣ ненужными потому только, что временныя заблужденія утилитаризма признали полезными для человѣчества только мирныхъ и грубоватыхъ скотовъ: лошадей, коровъ, ословъ, овецъ и свиней“...

Какое же отношеніе этого *plus Nietzsche, que Nietzsche* мѣме къ христіанству и православію—спросятъ, можетъ быть, читая приведенныя нами выдержки?

Христіанство и особенно *онолненное и потому усовершенствованное* въ православіи не есть религія любви и радостной вѣсти, а религія страха и насилія—убѣжденно и настойчиво говоритъ Леонтьевъ. Нѣтъ, повидимому, болѣе противоположныхъ фактовъ—какъ прогрессъ и христіанство. По ученію православія „страданія утраты, разочарованія, несправедливости должны быть; они даже полезны намъ для покаянія нашего и для спасенія нашей души за гробомъ“... „Передъ христіанскимъ ученіемъ добровольное униженіе о Господѣ лучше и вѣрнѣе для спасенія души, чѣмъ эта гордая и невозможная претензія ежечаснаго незлобія и ежеминутной елейности. Многіе праведники предпочитали удаленіе въ пустыню дѣятельной любви; тамъ они молились Богу *сначала* за свою душу, а потомъ за другихъ людей; многіе изъ нихъ это дѣлали потому, что очень правильно не надѣялись на себя и находили, что покаяніе и молитва, т. е. *страхъ и своего рода униженіе* вѣрнѣе, чѣмъ претензія *мірскаго незлобія* и чѣмъ самоувѣренность *дѣятельной любви* въ многочисленномъ обществѣ. Даже въ монашескихъ общежитіяхъ опытные старцы не очень-то позволяютъ увлекаться дѣятельной и горячей любовью, а прежде всего учатъ послушанію, приниженію, пассивному прощенію обидѣ“...

И когда передъ такими взглядами останавливались въ недоумѣніи, Леонтьевъ съ особенной силой подчеркивалъ, что *всему этому онъ „научился отъ православной церкви“, отъ монастырей, въ которыхъ обитаетъ истина* (курс. нашъ).

Исторія человѣческой мысли знаетъ знаменательный фактъ. Марксъ ненавидѣлъ христіанство, какъ религію сильныхъ и богатыхъ, мѣшающую всеобщему уравниванію людей. Ницше ненавидитъ христіанство по діаметрально-противо-

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1909 г.

положнымъ мотивамъ: христіанство, по нему, своимъ ученіемъ о достоинствѣ личности уничтожаетъ столь законный „пафосъ разстоянія“ между людьми. Леонтьевъ идетъ своей дорогой между этими геніями человѣчества. Зло все въ уравненіи людей, благо въ ихъ неравенствѣ. Христіанство тѣмъ именно и хорошо, что оно хоронитъ все, чѣмъ живетъ современная мысль: Марксъ и Ницше причудливымъ образомъ ебъединились въ оптинскомъ монахѣ.

Говорить ли о томъ, насколько—не скажу: плодотворно, а—необходимо изучать Леонтьева тому, кто считаетъ христіанство истинное, т. е. православную вѣру, высшимъ своимъ благомъ?!

Нѣсколько словъ о планѣ и методѣ предлагаемой работы.

Первыя двѣ главы являются изложеніемъ раскрытаго К. Н. Леонтьевымъ пониманія христіанства. Третья глава заключаетъ въ себѣ богословскую оцѣнку его. При выполненіи первой задачи вполне сознательно личность Леонтьева разсматривается *въ полномъ объемѣ ея*: первая глава содержитъ въ себѣ *цѣльную* душевную біографію его въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія ея; вторая глава—изложеніе его религіозной системы. Мы не ожидаемъ укора въ произвольномъ, а тѣмъ самымъ и логически непозволительномъ, расширеніи объема темы: уясненіе мѣста религіи въ общей системѣ міровоззрѣнія необходимо для пониманія, вдвойнѣ необходимо для оцѣнки ея.

Повидимому, можно было бы избрать путь значительно болѣе короткій, изложить, то есть, одну религіозную систему и затѣмъ произвести оцѣнку ея. Считаю при вышеизложенномъ пониманіи религіи такой путь малопродуктивнымъ и въ отношеніи лица, міровоззрѣніе котораго излагаемъ, и въ отношеніи положительныхъ выводовъ для нашей проблемы. Система религіознаго міровоззрѣнія, взятая внѣ душевныхъ переживаній ея творца, во всякомъ случаѣ

не воплотѣ характерна для него. Вѣрно это въ качествѣ общаго положенія, а въ примѣненіи къ Леонтьеву особенно... Для общихъ выводовъ по вопросу объ отношеніи христіанства къ благоустроенію земной жизни важны, конечно, формулы религіозной системы, но въ высокой степени важно также видѣть, какъ *переживаются* онѣ и какъ въ этомъ переживаніи согласуются съ другими сторонами общемірскаго душевнаго настроенія.

Нѣкто сказалъ нѣгдѣ: мысль, облеченная въ слово, неизбѣжно ложь. Если это положеніе несправедливо въ своей абсолютной формулировкѣ, то оно безспорно въ лежащемъ въ немъ требованіи—стараться проникнуть въ самую душу и добытыми данными дополнять и корректировать слово...

Леонтьевъ—мыслитель и писатель большой трудности. Нужно нѣсколько разъ перечитать его въ полномъ объемѣ его произведеній, чтобы уловить основной пунктъ его міровоззрѣнія. Самъ онъ себя называлъ человѣкомъ „нестерпимо сложныхъ потребностей“. И дѣйствительно, къ нему нельзя подходить просто. Либеральные круги потому и впади въ оцѣнкѣ его въ несправедливую ошибку, что не хотѣли присмотрѣться къ необыкновенной сложности его душевныхъ переживаній. Легко и соблазнительно для сужденія о Леонтьевѣ перечислить явно ложные пункты его системы и еще больше указать массу противорѣчивыхъ положеній. „Но зачѣмъ тратить время на это?“ скажетъ Леонтьевъ устами одного изъ современныхъ русскихъ ницшеанцевъ (Шестовъ). Попробуйте такимъ методомъ оцѣнить двойника Леонтьева Ницше, и вамъ ясно будетъ все несоотвѣтствіе затраченнаго труда и его результатовъ. Нѣтъ. Не въ томъ задача „критическаго изученія“, чтобы обратить вниманіе на легко устранимыя противорѣчія, а въ томъ, чтобы продлить самому линіи автора, если онѣ остались неоконченными у него, и останавливаться на противорѣчіяхъ, лишь имѣющихъ *фатальный* характеръ: только такимъ

путемъ анализъ системы можетъ привести къ синтезу цѣлаго воззрѣнія въ плоскости поставленной проблемы.

Считаемъ нужнымъ подѣлиться здѣсь въ помощь будущимъ біографамъ К. Н. Леонтьева точнымъ хронологическимъ спискомъ произведеній его, большая половина которыхъ разбѣйна по періодическимъ изданіямъ, и главнѣйшей литературы о немъ. Намъ этотъ списокъ облегчить цитацию текста. На страницахъ „Русскаго Обзорѣнія“ (1894, VIII) напечатана автобіографическая замѣтка самого Леонтьева: „Гдѣ розыскать мои сочиненія послѣ моей смерти?“ Въ томъ же году и тамъ же былъ помѣщенъ частью дополненный, частью исправленный новый списокъ его сочиненій извѣстнаго бібліографа г. Языкова. Желаящему сличеніе покажетъ, что нашъ списокъ отличается большей полнотой.

Для облегченія возможности слѣдить за постепеннымъ развитіемъ Леонтьева мы будемъ перечислять его статьи по годамъ. А въ концѣ укажемъ отдѣльные изданія его произведеній.

1. Сочиненія К. Н. Леонтьева.

1853 годъ.

- 1) Благодарность. Повѣсть. (Московск. Вѣдомости).

1855 годъ.

- 2) Лѣто на хуторѣ. Повѣсть. (Отеч. Зап., кн. 5).

1857 годъ.

- 3) Ночь на пчельникѣ. Очеркъ. (Москов. Вѣд.).

1858 годъ.

- 4) Сутки въ аулѣ Блок-Дортэ. (Отеч. Зап., кн. 8).

1860 годъ.

- 5) Письмо провинціала къ Тургеневу, по поводу повѣсти Тургенева „Наканунѣ“. (Отеч. Зап., кн. 5).

- 6) Второй бракъ. Повѣсть. (Библи. для чт., кн. 4).

1861 годъ.

7) О сочиненіяхъ Марко-Вовчка. (Отеч. Зап., кн. 3).

8) Подлинка. Романъ. (Отеч. Зап., кн. 9—11).

1864 годъ.

9) Въ своемъ краю. Романъ. (Отеч. Зап., кн. 5—7).

1867 годъ.

10) Ай-Бурунъ. Повѣсть. (Отеч. Зап., кн. 7).

1868 годъ.

11) Хризо. Разсказъ. (Русск. Вѣстн., кн. 7).

1869 годъ.

12) Пембе. Разсказъ. (Русск. Вѣстн., кн. 9).

13) Хамидъ и Манолѣ. Разсказъ. (Заря, кн. 11).

1870 годъ.

14) Поликаръ-Костакѣ. Разсказъ. (Русск. Вѣстн., кн. 9).

15) Грамотность и народность. Вѣглия замѣтки. (Заря, кн. 11—12).

1871 годъ.

16) Аспазія Ламприди. Повѣсть. (Русск. Вѣстн., кн. 6—9).

1873 годъ.

17) Панславизмъ и греки. (Русск. Вѣстн., кн. 2).

18) Панславизмъ на Аѳонѣ. (Русск. Вѣстн.).

1875 годъ.

19) Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека. (Рус. Вѣстн., кн. 6—8; 1876 г. кн. 1—3).

20) Византизмъ и Славянство. (Чт. въ Общ. истор. и древн. Рос., кн. 3).

1876 годъ.

21) Дитя души. Повѣсть. (Русск. Вѣстн., кн. 6—7).

1877 годъ.

22) Сфакиотъ. Разсказъ. (Рус. Вѣстн., кн. 1—3).

23) Камень Сизифа. Повѣсть. (Рус. Вѣстн., кн. 3, 10—12; 1878 г. кн. 7—10).

24) О памятникѣ въ Філахъ. (Моск. Вѣд.).

1878 годъ.

25) Русскіе, греки и юго-славяне. (Рус. Вѣст., кн. 2).

26) Храмъ и Церковь. (Гражд. 1878 г.).

1879 годъ.

27) Письма отшельника. (Востокъ, 1879 г.).

28) Мои воспоминанія о Фракии. (Рус. Вѣстн., кн. 3, 5, 8).

29) Новый драматическій писатель. (О. Н. Я. Соловьевъ).
(Рус. Вѣстн.).30) Отецъ Климентъ Зедергольмъ. (Рус. Вѣстн., кн.
11—12).

1880 годъ.

31) Изъ студенческихъ воспоминаній. (Рус. Арх. кн. 1).

32) О всемірной любви. (Рѣчь О. М. Достоевскаго на
Пушкинскомъ праздникѣ). (Варшавскій Дневникъ).33) Рядъ большихъ статей (передовыхъ, литературно-
критическихъ) и замѣтокъ. (Варшавскій Дневникъ).

1881 годъ.

34) Разсказъ Смоленскаго діакона о 1812 г. (Русск.
Архивъ, кн. 6)35) Египетскій голубь. Разсказъ. (Рус. Вѣстн., кн. 8—
10; 1882 г. кн. 1).

1882 годъ

36) Православіе и католицизмъ въ Польшѣ. (Гражд.
1882 г.).

37) Письма о восточныхъ дѣлахъ. (Гражд. 1882—83 г.).

38) Я купецъ. Изъ воспоминаній загорскаго грека.
(Рус. Вѣст., кн. 8).39) „Раззоренное гнѣздо“. Разсказъ для дѣтей А. Сли-
вickaго. Критико-библіогр. замѣтка (Москов. Вѣдом.).40) „Переломъ“ Б. М. Маркевича. Критико-библіогр.
замѣтка. (Москов. Вѣдом.).41) „С временные церковные вопросы“. Т. И. Филип-
пова. Критико-библіогр зам. (Совр. Изв.).

1883 годъ.

42) Записки Ф. П. Леонтьевой (Рус. Вѣстн., кн. 10 и
12; 1884 г. кн. 2).

43) Страхъ Божій и любовь къ челоѣчеству. По поводу разсказа гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“. (Гражданинъ).

44) Письмо къ П. Е. Астафьеву. По поводу его книги „Психическій міръ женщины“. (Гражданинъ).

45) Т. И. Филипповъ и От. Склобовскій (Письмо въ ред. Гражданина).

46) Пасха на Аѳонской горѣ. (Русь).

47) Два представителя индустріи. (Гражданинъ).

1884 годъ.

48) Консульскіе разсказы. (СИБ. Вѣдомости № 325).

49) Разбойникъ Сотирп. Разсказъ. (Нива, №№ 19—21).

1885 годъ.

50) Ядесъ. Разсказъ. (Нива, 26).

51) Священникъ-убійца. Разсказъ. (Голосъ Москвы, 122).

52) Поединокъ. Изъ воспоминаній русскаго. (Нива, 41).

53) Арестованный. Разсказъ (Нива, 49).

1887 годъ.

54) Записки отшельника. Невольное пробужденіе старыхъ мыслей и чувствъ. Сочувствіе и содѣйствіе. Мой историческій фатализмъ. Судьба Бисмарка и недомолвки Каткова. Моя мать объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. (Гражданинъ. №№ 33, 41, 44, 45, 47, 53, 54, 60, 61, 64, 67; прилож. 6—7).

1888 годъ.

55) Тургеневъ въ Москвѣ (1851—1861 г.). Изъ моихъ воспоминаній. (Русск. Вѣстн. кн. 2—3).

56) Записки отшельника. Два графа. „Анна Каренина“ и „Война и Миръ“. Владиміръ Соловьевъ противъ Данилевскаго. Національная политика какъ орудіе всемірной революціи. Плоды національных движеній на православномъ Востокѣ. (Гражданинъ. №№ 15, 19, 24, 28, 33, 37, 40, 99, 102, 105, 107, 112, 115, 120, 128, 137, 140, 147, 152, 256, 258,

261, 262, 265, 269, 272, 275, 279, 306, 311, 315, 327, 331, 334, 338, 342, 349, 353, 354, 363.

57) Осада Керчи. (Совр. Изв.).

58) Двѣ избранницы. Романъ. (Россія).

1889 годъ.

59) Плоды національныхъ движеній на православномъ Востока (Гражд., 7, 13, 41, 45).

60) Кстати и не кстати. (Письмо А. А. Фету по поводу его юбилея). (Гражд., 80, 81, 83).

61) Воспоминанія объ Архимандритѣ Макаріи, игуменѣ русскаго монастыря св. Пантелеимона на горѣ Афонской. (Гражд. 191, 192, 196, 207, 211, 243, 246).

1890 годъ.

62) Добрыя вѣсти. (Гражд. 81, 83, 87, 95).

63) Ошибка Г. Астафьева. (Гражд. 144, 147).

64) Анализъ, стиль и вѣяніе. Крит. этюдъ о романахъ гр Л. Н. Толстого. (Рус. Вѣстн., кн. 6—8).

65) По поводу моихъ статей „Анализъ, стиль и вѣяніе“. (Гражд. 157, 158).

66) Какой Успенскій—Глѣбъ или Николай. (Гражд. 190).

1891 годъ.

67) Разсказъ моей матери объ Импер. Маріи Теодоровны. (Рус. Вѣстн., кн. 4—5).

68) Надъ могилой Пазухина. (Гражд. 64, 65, 66, 67).

69) Славянофильство теоріи и славянофильство жизни. (Гражд. 99, 100).

70) Достоевскій о русскомъ дворянствѣ. (Гражд. 204, 205, 206).

71) Оптиный старецъ Амвросій. (Гражд. 305, 313).

72) Изъ воспоминаній консула. Разсказъ. (Рус. Вѣстн., кн. 11).

73) Письма Леонтьева.

а) Къ С. Васильеву. (Рус. Обзор. 1893 г., кн. 1).

б) Къ А. А. Фету. (Рус. Об. 1895 г., кн. 4).

- в) Къ К. А. Губастову. (Рус. Об. 1894 г., кн. 9, 11).
- г) О старчества. (Рус. Об. 1894 г., кн. 10).
- д) Къ А. А. Александрову. (Новое Время 1900 г. отъ 7 Ав., въ ст. Ал—ва: „Памяти В. С. Соловьева“).
- е) Къ о. І. И. Фуделю. (Рус. Об. 1895 г., въ ст. о. Фуделя).
- ж) Къ В. В. Розанову. (Рус. Вѣстн. 1903 г., кн. 4, 5, 6).

Отдѣльные изданія сочиненій Леонтьева.

1) Востокъ, Россія и Славянство. Сборн. ст., т. 1-й, Москва 1885 г. (Сюда вошли по нашему списку №№ 17, 18, 20, 25, 26, 27, 28, 37).

2) Востокъ, Россія и Славянство. Сборн. ст., т. 2-й, Москва 1886 г. (Сюда вошли №№ 15, 33, 36, 44, 39, 40, 41, 45, 43, 32, 34, 46, 49, 47).

3) Отецъ Климентъ Зедергольмъ, іеромонахъ Оптиной пустыни. 2 изд. Москва 1882 г.

4) Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи.

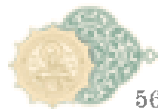
5) Наши новые христіане Θ. М. Достоевскій и гр. Левъ Толстой. Продается въ пользу слѣбыхъ гор. Москвы. М. 1882. (Сюда вошли №№ 32 и 43 съ специально написаннымъ для этого изданія предисловіемъ; эти же статьи перепечатаны, какъ видно изъ предыдущаго, и во 2-мъ томѣ „Востока“).

Примѣчаніе. Не поименовываемъ тѣхъ отдѣльныхъ изданій („Какъ надо понимать сближеніе съ народомъ“, „Повѣсти изъ жизни христіанъ на востокѣ“ 3 тома), которыхъ въ данное время найти въ продажѣ нельзя.

II. Главнѣйшая литература о Леонтьевѣ.

1) Русскіе идеалы и К. Н. Леонтьевъ. Л. Тихомірова. (Русское Обзоріе 1894 г., кн. X).

2) Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева. Свящ. І. Фудель, (Русское Обзоріе 1895 г.).

3) К. Н. Леонтьевъ. А. Александрова. (Русск. Вѣст 1892 г. кн. IV).

4) Эстетическое пониманіе исторіи. В. В. Розанов (Русск. Вѣстн. 1892 г. к. 1, 2, 3. Начиная со 2 кн. статья в сить другое загл.: „Теорія историч. прогресса и упадка“).

5) Разочарованный славнофиль. Кн. С. Н. Трубецког (Русск. Мысль 1892 г. кн. X).

6) Противорѣчія нашей культуры. Кн. С. Н. Трубецкого (Вѣст. Евр. 1894, кн. VIII).

Обѣ статьи также въ полномъ собр. сочин. кн. Трубецк., т. I.

7) Леонтьевъ. Влад. С. Соловьева. Энциклоп. слова: Брокгауза и Ефрона, а также Собр. соч. Соловьева, т. IX.

8) К. Леонтьевъ — философъ реакціонной романтик Н. А. Бердяева. „Вопросы жизни“ 1904 г. іюль; а также в сборн. статей Бердяева „Sub specie aeternitatis“. СПб. 1907

9) Саморазложеніе славянофильства. П. Н. Миллюков „Вопросы философіи и психологіи“ 1893 г., Май, а также в сборникъ его статей и этюдовъ подъ заглавіемъ „Изъ истріи русск. интеллигенціи“. (Спб. 1902).

10) К. Леонтьевъ и гр. Л. Толстой. Н. Апокрифа. „Русь“ вып. I. М. 1903.

Изъ болѣ раннихъ статей о Леонтьевѣ въ журналахъ и газетахъ—числомъ около 70—все существенное по содержанію можно найти въ перечисленныхъ статьяхъ, почему мы и не указываемъ ихъ особо.

Въ рукахъ автора были еще очень важный источникъ—двѣ объемистыхъ тетради съ вырѣзанными изъ газетъ замѣтками о Леонтьевѣ. По поводу каждой замѣтки Леонтьевымъ дѣлались свои NVNV. Такъ какъ этотъ источникъ не является общимъ достояніемъ, то мы будемъ пользоваться имъ только какъ подтвержденіемъ выводовъ, добытыхъ изъ общедо-

ступныхъ источниковъ. Цитироваться тетради будутъ по NN замѣтокъ въ такой формѣ: „тетрадь I или II, такой-то №“. По опубликованіи даннаго источника для всякаго желающаго будетъ легкая возможность провѣрить ссылки, дѣлаемыя въ этой работѣ.

Прим. 1. Леонтьевъ очень любитъ, особенно въ письмахъ, отбѣнять слова, иногда даже слоги. Курсивъ его вездѣ сохраненъ (подчеркнутое разъ—обычнымъ курсъ, подчеркн. два раза—жирнымъ шрифтомъ). Наши курсивы вездѣ оговорены.

2. Цитація въ виду точнаго перечня сочиненій Леонтьева и главнѣйшей литер. о немъ принята сокращенная: не называя журнала, въ какомъ помѣщено то или другое произведеніе Леонтьева, обозначаемъ лишь римск. цифр. № журнала (буде статья печаталась въ нѣсколькихъ №№), а арабскими—страницы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

К. Н. Леонтьевъ какъ религіозная личность.

I.

(1831—1854)

Константи́нъ Николаевичъ Леонтьевъ родился въ 1831 году и дѣтство свое провелъ въ имѣніи своихъ небогатыхъ родителей Кудиновѣ, въ Калужской губерніи. Отецъ его, „за участіе въ какомъ-то буйствѣ удаленный изъ гвардіи въ отставку въ чинѣ прапорщика“¹⁾, видимо, не оставилъ никакихъ положительныхъ слѣдовъ въ духовномъ обликѣ своего сына: насколько Леонтьевъ преклоняется предъ образомъ своей матери, настолько же память отца, „который былъ во всѣхъ отношеніяхъ не пара ей; ни по уму, ни по нравственнымъ свойствамъ, ни по воспитанію, ни даже по наружности“²⁾, была для него безразлична. Мать Леонтьева Фанни Петровна, урожд. Карабанова, была одна изъ тѣхъ матерей, имя которыхъ неразрывно связывается съ духовнымъ развитіемъ ихъ дѣтей. Черезъ свою мать Леонтьевъ въ нѣкоторыхъ чертахъ и своего характера и міровоззрѣнія былъ подлиннымъ внукомъ Петра Матвѣевича Карабанова—достойнаго прототипа старика князя Волконскаго въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Л. Н. Толстого. „Истинный баринъ съ виду, красивый и надменный до-нельзя, во многихъ случаяхъ вели-

¹⁾ „Разсказъ моей матери объ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ“, IV, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

кодушный рыцарь, ненавистникъ лжи, лихоимства и двуличности, слуга Государю и *Отечеству преданный*, энергическій и вѣрный, любитель стихотворства и всего прекраснаго, Петръ Матвѣевичъ былъ въ то же время властолюбивъ до безумія, развратенъ до преступности, подозрителенъ до-нельзя и жестокъ до безсмыслія и звѣрства¹⁾... И только его дочь Фанни, по окончаніи института возвратившаяся подъ кровлю тогда для нея холоднаго дома, могла умирять этого честнаго старика-самодура: „нашла коса на камень“, припоминаетъ невольно Леонтьевъ, говоря объ отношеніи дѣда и матери того времени.

Выданная замужъ за отца Леонтьева, человѣка не-далекаго во всѣхъ отношеніяхъ, Фанни Петровна, естественно, сдѣлалась главою дома и ревливой воспитательницей своихъ дѣтей. Все мое дѣтство, говоритъ Леонтьевъ²⁾, неразрывно связано „съ драгоценнымъ образомъ красивой, всегда щеголеватой и благородной матери, которой я такъ неоплатно былъ обязанъ всѣмъ (уроками патриотизма и монархическаго чувства, примѣрами строгаго порядка, постояннаго труда и утонченнаго вкуса въ ежедневной жизни)“. Печать красоты положена была на всемъ распорядкѣ обиходной жизни заботливой рукой хозяйки дома, которая счумѣла небогатый уголь сдѣлать „очаровательнымъ «Эрмитажемъ»“⁴⁾.

Эстетизмъ былъ въ собственномъ смыслѣ слова религіей Леонтьевой.

Леонтьевъ много лѣтъ спустя комментируетъ „Разсказъ“ своей матери, когда онъ уже пережилъ религіозный переломъ. Знаменательно: и въ его столь поздней харак-

¹⁾ Тамъ же, стр. 90.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

³⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81.

теристикѣ религія въ обликѣ матери занимаетъ второе мѣсто, если еще не меньше. Леонтьева была религіозна по типу институтскаго религіознаго воспитанія съ его преобладающимъ бытовымъ характеромъ, ставящимъ религію *на ряду* съ другими жизненными потребностями и проявленіями, но не *надъ ними*... Точное соблюденіе отъ предковъ переданныхъ религіозныхъ обычаевъ, всенощныя на дому въ присутствіи всей крѣпостной прислуги—такова была первая школа религіознаго воспитанія Леонтьева. „Мое воспитаніе—увы!—строго христіанскимъ не было“—вспоминаетъ не разъ свои дѣтскіе годы Леонтьевъ: эстетическое обрядовѣріе его изящной матери, очевидно, не затрагивало его внутренняго религіознаго чувства. Болѣе того. Въ уста автора записокъ Владиміра Ладнева Леонтьевъ внагаетъ едва ли не автобіографическія слова о своеобразномъ дѣйствіи набожности, внушенной теткой: „бывало, помолишься усердно, постоишь у ранней обѣдни, попостишься, положишь по утру двадцать пять земныхъ поклоновъ, сочтешь себя квитымъ съ совестью и ободрись послѣ этого до того, что нагрубишь кому-нибудь, или разругаешь слугу, или даже побьешь какого-либо мальчишку“¹⁾. Не съ этого ли времени ведутъ свое начало столь частыя, хотя и мимолетныя, противоположенія Леонтьевымъ въ первыхъ литературныхъ его произведеніяхъ набожности съ одной стороны, ума и нравственности съ другой?²⁾..

Не даромъ Леонтьевъ *забылъ*³⁾ въ перечнѣ благодѣяній матери указать свое религіозное развитіе.

1) „Подлиски“, кн. IX, стр. 17.

2) „Второй бракъ“, кн. IV, стр. 2: стр. 63: „набожная, но все еще умная Катя“. Сн. стр. 43: „христіанинъ, не понимающій христіанскаго духа, глупъ“.

3) Въ числѣ „добрыхъ началъ“, которыми обязанъ Л. своей матери, нѣтъ религіи. („Разсказъ“ ..., стр. 86).

Не затронувъ внутренняго религіознаго чувства Леонтьева, церковно-обрядовая атмосфера его дома посѣяла въ немъ ту эстетическую любовь къ православнымъ формамъ религіозной жизни, которая впоследствии, въ періодъ религіознаго перелома, такъ помогла ему. Сколько особой какой-то поэзіи въ воспоминаніи атеиста Леонтьева 60 годовъ о всеобщей на дому на Страстной недѣлѣ. „Собиралась семья въ длинную бѣлую залу, освѣщенную только на одномъ концѣ церковными свѣчами, и что за томительный восторгъ охватывалъ мою душу, когда высокій отецъ Василій, наполнивъ залу кадильнымъ дымомъ, сквозь который изъ угла блистали наши образа, начиналъ звучнымъ, густымъ, возрастающимъ басомъ: «Се женихъ грядетъ въ полночи». Тогда я, бывало, кланялся въ землю, и мнѣ, повѣрите ли, казалось, что въ самомъ дѣлѣ идетъ откуда-то женихъ среди ночи. . Раскрытая дверь темнаго корридора, глубокое молчаніе всѣхъ другихъ комнатъ... самый ландшафтъ въ окнѣ, освѣщенный мѣсяцемъ, рѣдкій, зимній садъ, полосы тѣни отъ деревьевъ по снѣгу, пустынная, обнаженная аллея, пропадающая за недоступными сугробами и таинственная мысль о безлюдности огромныхъ полей“¹⁾. Это—слова героя романа Леонтьева „Подлипки“. Ихъ автобіографическій характеръ—вне сомнѣнія.

„Я спалъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ кабинетѣ матери за колоннами,—вспоминаетъ уже отъ себя съ любовью старикъ Леонтьевъ свои дѣтскіе годы²⁾,—и какъ часто, прозываясь зимнимъ утромъ, продолжалъ лѣниться, и, лежа на своемъ трехцвѣтномъ диванѣ, слушалъ внимательно, какъ сестра моя (только что взятая тогда изъ того же самаго института, въ которомъ воспитывалась мать) читала по книжкѣ утреннія молитвы и псаломъ: «Помилуй мя,

¹⁾ „Подлипки“, кн. IX, стр. 9.

²⁾ „Рассказъ моей матери...“, кн. IV, стр. 81.

Боже»... „Сестра читала, мать молилась; за стѣной, въ спальнѣ, пылалъ съ веселымъ трескомъ утренній каминъ... Много лѣтъ прошло съ тѣхъ зимнихъ дней, когда я просыпался на полосатомъ диванѣ; много было и вовсе новыхъ радостей и неожиданнаго горя; но эти утреннія молитвы все также живы въ памяти и сердцѣ; много глубокихъ перемѣнъ совершалось въ моей жизни, были тяжкіе переломы въ образѣ мыслей моихъ, но никогда и нигдѣ я не забывалъ тѣхъ словъ псалма, которыя меня тогда (почему?—не знаю самъ) особенно поразили и невыразимо тронули.. „Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ». Я съ тѣхъ поръ никогда не могу вспомнить о матери и родинѣ, не вспомнивши и этихъ словъ псалма“...

И какъ живучи—приходится лишній разъ отмѣтить—впечатлѣнія дѣтства человека! Эстетизмъ, строгая государственная власть и религія въ обязательной, строго опредѣленной обрядовой формѣ—увидимъ мы—основныя черты поздняго духовнаго облика Леонтьева. Не трудно видѣть, посѣяны онѣ въ дѣтской Кудинова. И прочность материнскаго вліянія предохранила Леонтьева отъ потери уваженія къ этимъ устоямъ даже въ критическій періодъ духовнаго роста. „Позднѣе, юношей, въ 50-хъ годахъ, и я, пишетъ Леонтьевъ,—защитилъ дань европейскому либерализму; но могу съ гордостью сказать, что и въ эту безтолковую пору моей жизни я ни разу ни кощунственной насмѣшкой, ни слишкомъ настойчивыми и рѣзкими доводами плохой либеральной философіи не оскорбилъ тѣхъ личныхъ чувствъ и тѣхъ идеаловъ, которые мать моя носила въ сердцѣ своемъ неизмѣнно до гроба“¹⁾.

Двадцатилѣтнимъ юношей, по окончаніи Калужской гимназіи, Леонтьевъ сдѣлался студентомъ-медикомъ Мос-

¹⁾ „Разсказъ моей матери...“, кн. IV, стр. 85.

ковскаго Университета (1849 г.) Факультетъ избранъ былъ имъ противъ желанія, и медицины онъ не полюбилъ, хотя и занимался ею со всею возможной серьезностью. По воспоминаніямъ, а еще болѣе по роману „Въ своемъ краю“, герой котораго Рудневъ, несомнѣнно, имѣетъ автобіографическое значеніе, первые годы студенческой жизни Леонтьева—тяжелая пора обманутыхъ надеждъ и потери спокойнаго и уютнаго міросозерцанія кудиновской дѣтской. „Въ первый разъ онъ узналъ здѣсь настоящую нужду, сталъ часто болѣть, едва успѣвалъ управляться съ непривычными занятіями. На воображеніе его раздирающимъ образомъ дѣйствовали трупы синіе, зеленые, худые, раздутые водою, удавленники, замерзшія пьяныя женщины, одинокіе старички и старушки, которыхъ никто не требовалъ для похоронъ и которыхъ терзали на куски для студентовъ. Онъ долженъ былъ прожить цѣлый годъ въ борьбѣ съ самимъ собою, чтобы привыкнуть къ постоянному созерцанію смерти во всѣхъ ея самыхъ грязныхъ, самыхъ скучныхъ видахъ“¹⁾. Къ этому же времени относится первое колебаніе заложенныхъ въ его душу основъ „Я утратилъ тогда и на долгое время дѣтскую вѣру“. Результатомъ была душевная тревога. „Успокоиться на какомъ-то неясномъ девизѣ, эстетическомъ и свободномъ, на которомъ я успокоился недолго поздыѣ, я въ то время еще не могъ“²⁾, и жилъ „въ мучительномъ

1) „Въ своемъ краю“, кн. V, стр. 3.—Этотъ романъ—очень важный источникъ для біографіи Леонтьева за данное время. Какъ увидимъ ниже, именно въ студенческіе годы онъ написалъ свой романъ „Булавинскій заводъ“, принятый Тургеневымъ, но не увидавшій свѣта по цензурнымъ условіямъ. Позже все содержаніе его вошло въ романъ „Въ своемъ краю“. Герой послѣдняго одно и то же лицо съ героемъ перваго; это докторъ Рудневъ, въ которомъ Леонтьевъ, по его собственнымъ словамъ („Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 108), воплотилъ „труженническую сторону своего существа“.

2) „Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 98—99.

полубезвѣріи, томясь то страхомъ небеснаго наказанія, то стыдомъ отъ своего малодушія и болѣзни“ ¹⁾).

Тяжелыя внѣшнія обстоятельства жизни, а больше всего, думаемъ, его душевный складъ, мѣшали Леонтьеву отдаться тому общественному настроенію, которымъ жила тогдашняя молодежь. Тургеневъ, Бѣлинскій, Герценъ, на сочиненіяхъ которыхъ воспитывался онъ, не пересилили того обостреннаго эстетизма, который гонить человѣка вдаль отъ людей. „Съ другими студентами я почти не знакомился; мнѣ казалось, что они ничего не понимаютъ, и поэтому у многихъ были такія непріятныя лица; а я всегда любилъ изящное, даже и въ товарищахъ“ ²⁾), пишетъ Леонтьевъ... Положеніе больного студента, бѣднаго до необходимости лишать себя завтрака, вынужденнаго все время посвящать нелюбимымъ занятіямъ въ анатомическомъ театрѣ, надъ смрадными трупами разныхъ несчастныхъ и покинутыхъ людей ³⁾ исключительно ради сноснаго матеріальнаго положенія въ будущемъ, далеко не соответствовало запросамъ эстетической природы Леонтьева. „Меня начала мучить страшная мысль, что я «отцвѣту не успѣвши расцвѣсть»“... Чулкатуринъ Тургенева дѣлается любимымъ героемъ Леонтьева. „Я пересталъ понимать веселые стихи, веселыя сцены. Я только понималъ страдальческія, болѣзненные произведенія. Когда Тургеневъ напечаталъ «Записки лишняго человѣка», мнѣ показалось, что онъ угадалъ меня, не выдавши меня никогда... Не преувеличивая скажу: я буквально *плакалъ* надъ исторіей лишняго человѣка“ ⁴⁾).

¹⁾ Слова доктора Руднева: „Въ своемъ краю“, кн. V, стр. 3.

²⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 98.

³⁾ Тамъ же, стр. 99.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 100.

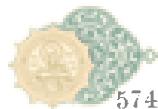

Въ такомъ душевномъ настроеніи написаны были Леонтьевымъ первыя литературныя произведенія, по цензурнымъ условіямъ не увидавшія свѣта: комедія „Женитьба по любви“ и романъ „Булавинскій заводъ“. Леонтьевъ опубликовалъ воспоминанія о своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Тургеневымъ въ поздніе годы, когда онъ и по литературнымъ вкусамъ и еще болѣе по общественнымъ и политическимъ взглядамъ былъ рѣшительнымъ противникомъ его. Тѣмъ не менѣе съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ онъ то, дѣйствительно, трогательное участіе, которое принялъ въ начинающемъ писателѣ тогда уже извѣстный Тургеневъ, вплоть до длиннаго урока по стихосложенію¹⁾. Тургеневъ призналъ въ Леонтьевѣ большой талантъ и замъ взялся напечатать комедію и начатый романъ. „Лишній человекъ“ оказался не такимъ, и Леонтьевъ ожилъ...

Изъ этой поры литературной дѣятельности характерны для Леонтьева личныя отношенія къ Тургеневу. „Какъ я ни былъ занятъ своимъ дѣломъ, пишетъ Леонтьевъ о своемъ первомъ посѣщеніи Тургенева²⁾, но *объективность*, какъ и всегда, не покидала меня и тутъ. Я не зналъ ни наружности, ни состоянія Тургенева и ужасно боялся встрѣтить человека, *не годнаго въ герои*, некрасиваго, скромнаго, небогатаго, однимъ словомъ жалкаго труженика, которыхъ видъ и тогда уже прибавлялъ яду въ мои внутреннія язвы. Терпѣть не могъ я смолоду безцвѣтности, скуки и буржуазнаго плебейства, хотя и считалъ себя крайнимъ демократомъ. Герои Тургенева были все такіе скромные и жалкіе. Ни Рудина, ни Лаврецкаго онъ еще не произвелъ въ то время. Однако меня скоро позвали, и я былъ пріятно пора-

¹⁾ Тамъ же, стр. 111—115: первое письмо Тургенева къ Леонтьеву, отъ 12 іюня 1851 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 105—106.

жень. Тургеневъ любезно всталъ мнѣ навстрѣчу и, подавая руку, спросилъ, что мнѣ угодно? Росту онъ былъ почти огромнаго, широкоплечій; глаза глубокіе, задумчивые, темносѣрые; волосы были у него тогда темные, густые, какъ помнится, нѣсколько курчавые, съ небольшою просѣдью; улыбка обворожительная, профиль немного грубъ и рѣзокъ, но рѣзокъ барски и прекрасно. Руки *какъ сатанетъ* красивые, «des mains soignées», большія, мужскія руки. Ему было съ небольшимъ 30 лѣтъ... Если бы онъ и дурно меня принялъ, то я бы за такую внѣшность полюбилъ бы его. Я ужасно былъ радъ, что онъ гораздо *героичнѣе* своихъ *героевъ*“...

Письмо Тургенева, усилившее первый необыкновенно любезный пріемъ, оживило, говорили мы, Леонтьева: онъ съ лихорадочной страстью отдался литературному творчеству—писанію „Булавинскаго завода“. А мысль о покровительствѣ такого лица, какъ Тургеневъ, не могла не поддерживать ея. „Сила этого вліянія удваивалась, помню, опять писать Леонтьевъ ¹⁾, еще и безкорыстной радостью тому, что самъ Тургеневъ такъ красивъ, такъ ростомъ великъ“ и плечистъ, такой «баринъ»! Мнѣ было пріятно быть обязаннымъ человѣку, который мнѣ такъ нравился. Я радовался даже и тому, что онъ богатъ. Все некрасивое, жалкое, бѣдное, болѣзненное съ виду ужасно подавляло меня тогда... И мнѣ было такъ пріятно порадоваться хоть на чужую силу, на чужую красоту, илина богатство“...

„Булавинскій заводъ“, которому отдался съ такою страстью Леонтьевъ, сказали мы, не увидѣлъ свѣта... Первое напечатанное имъ произведеніе относится къ 53-му году: это — первая изъ тѣхъ пяти повѣстей, которыхъ Леонтьевъ въ своей ав-

¹⁾ Тамъ же, стр. 115—116.

тобіографической замѣткѣ¹⁾ просить вновь не издавать: „плохи онѣ и направленіе какое-то безсмысленное“. Однако литературныя занятія, столь соотвѣтствовавшія душевному складу Леонтьева, не были его главнымъ дѣломъ въ студенческіе годы, которые прошли главн. образ. въ усидчивыхъ занятіяхъ нелюбимой медициной; и ей Леонтьевъ обязанъ тѣмъ „реализмомъ“, на который онъ затѣмъ не разъ ссыался въ оправданіе своей системы...

Заполнялъ ли эстетизмъ весь духовный міръ Леонтьева студента (1849—1854)? Чѣмъ былъ Леонтьевъ, „ученикъ Тургенева, Бѣлинскаго, Жоржъ-Санда, Герцена“ въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ?

Въ свою студенческую пору Леонтьевъ отдалъ, какъ онъ позже выражается, дань европейскому либерализму. Но, припоминая теперь, пишетъ онъ въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, внимательно и добросовѣстно разные мои „психологическіе моменты, я увѣренъ, что и тогда въ республикахъ мнѣ правилось не то, чѣмъ онѣ отличаются отъ монархій, т. е. не равноправность и не политическая свобода, а, напротивъ, тѣ стороны великихъ республикъ, которыя у нихъ общи съ великими монархіями: сила, вырабатываемое сословнымъ строемъ разнообразіе характеровъ, борьба, битва, слава, живописность и т. д. Въ этомъ эстетическомъ инстинктѣ моей юности было гораздо болѣе государственнаго такта, чѣмъ думаютъ обыкновенно; ибо только тамъ много бытовой и всякой поэзіи, идѣи много государственной и общественной силы. Государственная

¹⁾ „Русское Обозрѣніе“ 1894, VIII: Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. I, „Гдѣ разыскать мои сочиненія послѣ моей смерти“.

²⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“ 1851—1861 гг., кн. II, стр. 98—99.

сила есть скрытый желѣзный остовъ, на которомъ великій художникъ-исторія лѣпитъ изящныя и могучія формы культурной человѣческой жизни“¹⁾. Эти позднія слова Леонтьева если и являются выраженіемъ позднѣйшей апперцепціи, давно прошедшихъ переживаній, то послѣдняя выражается лишь въ подчеркиваніи мыслей. Вполнѣ объективная правда: Леонтьевъ и въ воспріятіи европейскаго либерализма оставался эстетикомъ, какимъ онъ былъ и въ дѣтскіе годы...

Вѣру дѣтскихъ лѣтъ, мы видѣли, Леонтьевъ потерялъ въ самомъ началѣ своей студенческой жизни: послѣ первыхъ страданій онъ успокоился на своемъ эстетизмѣ.

Эстетическое — хотѣлось бы сказать, эстетское — отношеніе къ жизни заключало въ себѣ и другую возможность—равнодушное, а тѣмъ самымъ и отрицательное, отношеніе къ вопросамъ нравственности,—явленіе, обычное для людей означеннаго душевнаго склада. Поразителенъ фактъ: въ первыхъ юношескихъ произведеніяхъ, вопреки понятному ожиданію, почти отсутствуетъ элементъ моральный.—въ формѣ служенія меньшему брату. Докторъ Рудневъ („Булавинскій заводъ“), въ которомъ Леонтьевъ воплотилъ, какъ мы знаемъ, свои черты, мечтаетъ о „недоступномъ студенту, почти независимомъ будущемъ сельскаго врача“. „Я хотѣлъ быть *однимъ*, хотѣлъ быть подальше отъ родныхъ, хотѣлъ быть «въ лѣсу», здоровъ, дѣятеленъ, *полезенъ бѣднымъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ независимъ“, пишетъ про ту пору Леонтьевъ. Вы чувствуете, какъ брошено между прочимъ это „полезенъ бѣднымъ“,—и впечатлѣніе не смягчается позднимъ отгѣненіемъ... И это въ пору, когда все здоровое среди русской интеллигенціи жило любовью къ „униженнымъ и обиженымъ“: загоралась заря освободительной эпохи... Въ „Женитьбѣ по любви“

¹⁾ „Разказы моей матери“ т. IV, стр. 87.
 Издано Кіевскою Духовною Академією въ Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

есть одинъ весьма характерный эпизодъ, когда „храбрый“ Яницкій, имѣя мужество отказаться отъ неопасной для него дуэли, уничтожаетъ своимъ великодушіемъ несчастнаго Кирѣева¹⁾... И здѣсь—вы ясно чувствуете—дѣло все въ эстетизмѣ поступка, а не въ его моральной сторонѣ. Пусть бы на мѣстѣ Яницкаго былъ другой, не такой „красивый“, какъ онъ, хотя бы тотъ же болѣзненный несчастный Кирѣевъ,—Леонтьевъ не ввелъ бы тогда этого эпизода въ свою комедію... Недаромъ много лѣтъ позже Леонтьевъ еще разъ останавливается на *красотѣ* именно *такого* отказа отъ дуэли²⁾...

Рудневъ изъ „Булавинскаго завода“ „хотѣлъ бы быть подальше отъ родныхъ“. Отношенія Леонтьева къ своей семьѣ болѣе, чѣмъ все другое, показываютъ весь тотъ исключительный эстетизмъ, которымъ была полна его душа. Лѣто 51 года, возбуждаемый поощреніемъ Тургенева, Леонтьевъ отдался литературному вдохновенію. Много позже вспоминаетъ это время Леонтьевъ, и мы видимъ, какъ эстетизмъ вытравилъ изъ него вслѣдъ за вѣрой и нравственностью. „Благопріятнымъ обстоятельствомъ для усидчивой работы въ то лѣто было то, что ни одинъ изъ моихъ старшихъ холостыхъ братьевъ не гостилъ на этотъ разъ въ нашемъ Кудиновѣ. Они по многимъ причинамъ мнѣ очень не нравились и во многихъ отношеніяхъ, вѣроятно, и сами того не подозревая, стѣснили меня. Я не хочу здѣсь судить ихъ строго или нападать на нихъ—оба они уже померли. Ужъ если нужно кого-нибудь по этому поводу строго судить, то скорѣе всего самого себя *за слишкомъ тонкую тогдашнюю эстетику мою*“... (курсивъ нашъ). „Я въ то время сталъ

¹⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 102.

²⁾ „Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева“ о. Фуделя, стр. 271: письмо самого Л—ва.

находить, что поэтъ, художникъ, мечтатель и т. п. (особенно желающій *самъ быть* по мѣрѣ силъ *лично поэтическимъ*) не долженъ имѣть никакихъ этихъ братьевъ, сестеръ и т. д. Можно имѣть мать, ну, пожалуй почтеннаго отца... Но братья, сестры... Особенно братья... Да еще старшіе!.. Это не-сносно!.. Права на фамиллярность какую-то, непониманіе, неделикатность и т. д. Я такъ сталъ думать, перейдя за двадцать лѣтъ, продолжать держаться этого мнѣнія очень долго... Нужно мнѣ было дойти до 40 лѣтъ и пережить крутой переломъ, возвратившій меня къ *положительной* религіи, чтобы я былъ въ силахъ вспомнить, что привязанность къ роднымъ имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе христіанское, чѣмъ дружба съ чужими по своевольному избранію сердца и ума. Христіанство, конечно, не запрещаетъ и послѣдней; оно даже одобряетъ иногда отчужденіе отъ родныхъ, если это отчужденіе происходитъ почему либо во имя *вѣры*; я не про это говорю; я хочу сказать только вотъ что: *смирнія* предъ волей Божіей гораздо больше въ принятіи данныхъ намъ судьбою близкихъ родныхъ, безъ всякаго участія нашей воли и вкуса, чѣмъ въ томъ свободномъ избраніи дружбы и любви, которою мы все такъ естественно расположены дорожить. Разумѣется, самый искренній и твердый въ убѣжденіяхъ своихъ христіанинъ можетъ поссориться съ близкими и удалиться отъ нихъ; но онъ не станетъ изъ гордой позы какой-то обращать этого удаленія и разрыва въ принципъ, въ нѣчто въ родѣ долга самоуваженія. Мое воспитаніе—увы!—строгаго христіанскимъ не было, и я уже въ это время *задумывалъ, какъ бы стать* подальше отъ братьевъ и сестеръ, не огорчая слишкомъ матери, которую я очень любилъ и жалѣлъ. И признаюсь, мнѣ стало гораздо пріятнѣе жить на свѣтѣ, когда я со всеми ними (за исключеніемъ одного) прервалъ позднѣе и навсегда все сношенія“.

„Въ тотъ годъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь,—продолжаетъ Леонтьевъ,—копечню, недоброе чувство это не обратилось еще въ систематическое правило, но оно было всетаки уже настолько сильно и настолько сознательно, что мнѣ было нѣсколько непріятно знать, что даже и у Тургенева есть ни къ селу, ни къ городу какой-то братъ Николай Сергѣевичъ.. Повторю, — если бы воспитаніе мое было болѣе христіанскимъ, то и самое удаленіе мое отъ родныхъ не дошло бы (какъ дошло впоследствии) до враждебнаго съ ними разрыва. Иніціатива разрыва была моя, и выдержка въ немъ до конца тоже моя. И я былъ противъ нихъ много виноватъ и грѣшенъ! До этого было, впрочемъ, въ 51 году еще довольно далеко; но я помню очень твердо, что *въ это мѣсто* явилась у меня впервые ясная, сознательная мысль о томъ, что и *съ ними*, съ этими братьями хорошо бы какъ можно рѣже видаться, и что ихъ отсутствіе дѣйствуетъ на меня пріятно и даже вдохновительно“ ¹⁾.

Въ 1854 году Леонтьевъ окончилъ университетъ. До 1870—71 года, когда въ немъ произошелъ крутой переломъ, завершившійся монашеской келіей, духовное развитіе его шло по ясно уже намѣченному на студенческой скамьѣ пути: *Леонтьевъ вступилъ въ жизнь эстетомъ* ²⁾.

Священникъ Константинъ Аггеевъ.

¹⁾ „Тургеневъ въ Москвѣ“, кн. II, стр. 126—128.